

В. В. Котенко

Поселение Маслины в Северо-Западной Таврике (общая характеристика)

Keywords: Chersonesos Tauric, Masliny, ancient Greek period, chora.

Cuvinte cheie: Chersonesos Tauric, Maslinî, epoca antică, chora.

Ключевые слова: Херсонес Таврический, Маслины, античная эпоха, хора.

V. V. Kotenko

Masliny Settlement in Northwest Taurica (general characteristics)

Masliny settlement refers to the chora of Chersonesos in Northwest Taurica. In ancient times, the region had favorable climatic conditions for the development of agriculture. The site was excavated by the squad of Kharkov University in 1972—1986 under the leadership of V. Latysheva. There is a fortification and an open settlement with typical structures on the site. Ceramic complex from Masliny settlement is represented by a wide range of forms of Chersonesos and imported pottery. Study of the site raises several important issues about the organization of chora of Tauric Chersonesos in the region.

V. V. Kotenko

Așezarea de la Maslinî din Taurica de nord-vest (caracteristică generală)

Articolul reprezintă o sistematizare a materialelor de pe așezarea de la Maslinî din Taurica de nord-vest, care face parte din chora Chersonesului. În antichitate, regiunea dispunea de condiții climaterice favorabile pentru dezvoltarea agriculturii. Săpăturile arheologice pe sit au fost efectuate între 1972—1986 de către un detașament al Universității din Harkiv, condus de V.A. Latîșeva. Complexul arheologic include o fortificație și o așezare deschisă cu construcții tipice. Complexul ceramic din Maslinî este reprezentat printr-un spectru larg de forme locale și de import. Cercetările de pe sit sunt importante pentru rezolvarea mai multor probleme privind organizarea chorei Chersonesului Tauric în regiunea dată.

V. V. Kotenko

Поселение Маслины в Северо-Западной Таврике (общая характеристика)

Статья посвящена систематизации материалов поселения Маслины в Северо-Западной Таврике, которое относится к хоре Херсонеса. В древности в этом регионе были благоприятные климатические условия для развития сельского хозяйства. Раскопки памятника проводились в 1972—1986 гг. отрядом Харьковского университета под руководством В.А. Латышевой. Застройка территории включает укрепление и открытое селище с характерными сооружениями. Керামический комплекс из Маслин представлен широким спектром форм херсонесской и привозной посуды. Исследование памятника затрагивает ряд важных вопросов, касающихся организации хоры Херсонеса Таврического в данном регионе.

Северо-Западная Таврика представляет собой культурно-историческую область в составе Западного Крыма, географическими рубежами которой с юга выступает Сакско-Евпаторийский район, а с севера — Перекопский перешеек (Ланцов 1991: 1). Поселение Маслины расположено на Тарханкутском полуострове у с. Северное Черноморского района Автономной Республики Крым, на морском побережье Каркинитского залива (рис. 1). Северо-Западный Крым, как исторический регион, в современных географических границах охватывает область Евпаторийского

плато. Его поверхность представляет собой возвышенную равнину с увалообразными поднятиями и большим количеством балок и русел древних рек (Щеглов 1978: 14; Кутайсов 2010: 291). Климатические условия данного региона в античную эпоху отличались от современных. В период с конца IV в. до н. э. отмечается формирование оптимальных климатических условий, которые способствовали развитию сельского хозяйства (Подгородецкий 1994: 17; Кутайсов 2010: 309). Территория в районе расположения Маслин входила в западный степной регион карбонатных темно-

Рис. 1. Расположение поселения Маслины.

Fig. 1. Location of the Masliny settlement.

каштановых почв, глинистых и карбонатных щебенчатых черноземов (Щеглов 1978: 23). Такие условия, в частности, были благоприятны для выращивания зерновых культур и винограда. Этим временем датируется начало существования большинства поселений хоры Херсонеса Таврического, которые, вероятно, были «житницей» полиса. Ближе к рубежу эр наблюдается понижение температуры, в результате чего условия для ведения сельского хозяйства стали менее благоприятными, что отразилось и на падении экспорта зерна из Причерноморья в страны Средиземноморья (Подгородецкий 1994: 17). Согласно палеогеографическим реконструкциям, уровень моря у береговой линии Северо-Западного Крыма в древности был ниже современного минимум на 2 м (Подгородецкий 1994: 23). В результате изменения береговой линии региона абразия стала причиной разрушения античных памятников (Кутайсов 2010: 301). Эта ситуация затронула и северо-восточную часть поселения Маслины.

Плотное заселение Северо-Западной Таврики, а в контексте этого и возникновение поселения Маслины, имело свои экономические причины и исторические предпосылки. Вследствие бурного развития Херсонеса Таврического и возможного нового притока колонистов, в середине IV в. до н.э. (Ланцов 2008: 101) земли Западной Таврики попали

в сферу интересов экономической политики полиса. В краткие сроки здесь была создана хора, внутренняя сельскохозяйственная территория государства со взаимосвязанной системой поселений и развитой инфраструктурой.

Археологические исследования поселения Маслины в Северо-Западной Таврике проводились во второй половине XX в. в течение пятнадцати лет — в 1972—1986 гг. (подробно об истории исследования памятника см.: Котенко 2012: 264—274). На основании того, что до сих пор не существует согласованных данных о наличии в Западном Крыму античных поселений севернее Маслин, этот памятник считается крайним укреплением дальней хоры Херсонеса Таврического (Щеглов 1978: 32; Пальцева 1988: 13; Латышева 1999: 79). Но наряду с этим существует точка зрения, сложившаяся в результате многочисленных разведок и сборов археологических материалов в этом регионе, что в состав Херсонесского государства входила территория от Балаклавской долины до Перекопа (Ланцов 1991: 11).

Заинтересованность археологическими памятниками Северо-Западного Крыма впервые в отечественной науке проявил П. Н. Шульц. В 1948 г. он осуществил разведку территории на участке от с. Оленевка на Тарханкуте до Перекопа (Смекалова 2010: 6). Между оз. Ярылгач и Бакальским озером им было выявлено только одно городище у с. Владимировка (Чогол-Тай, Чеголтай) с мощной фортификацией. Оно было атрибутировано исследователем, согласно представлениям о культурно-хронологической принадлежности памятников данного региона, принятым в его время, как поселение скифской культуры (Шульц 2010: 30). В 1965—1966 гг. отрядом Тарханкутской экспедиции на поселении Маслины (Владимировка)¹ были проведены разведки с зачистками культурного слоя, по результатам которых памятник был датирован серединой III — II вв. до н.э. (Щеглов 1978: 40). Исследования продолжались в 1970 г., когда в процессе охранных раскопок Тарханкутским отрядом Северо-Крымской экспедиции вдоль среза абразивного берега были обнаружены части каменных сооружений древнего укрепления, зафиксированы контуры ям и землянок. По итогам этих работ было сделано заключение, что скифское поселение возникло здесь на месте ранее существовавшего херсонесского укрепления IV в.

¹ Название «Маслины» закрепилось за поселением у с. Владимировка с 1970 г., после обследований памятника А. А. Щепинским и Е. Н. Черепановой.

до н. э. (Щепинский 1972: 326; Щепинский, Черепанова 1974: 62—64).

С 1972 по 1986 гг. на Маслинах проводились систематические раскопки отрядом Харьковского университета в составе Северо-Крымской экспедиции Института археологии АН УССР под руководством В. А. Латышевой. За 15 лет исследований на поселении были открыты строительные остатки укрепления, а также накоплен значительный керамический материал. Результаты исследований 1972—1986 гг. позволили отнести этот памятник к хоре Херсонеса Таврического и датировать начало его существования серединой IV в. до н. э., а также определить структуру внутренней планировки поселения и сделать выводы об этнической принадлежности его жителей. Главной частью древнегреческого поселения в Маслинах оказалось четырехбашенное укрепление, к которому со всех сторон суши подходило открытое селище. По своей материальной культуре поселение тяготело к Херсонесскому полису, хотя среди керамического материала выделяется группа скифской лепной посуды. В период раскопок была предпринята попытка выявить некрополь поселения, но она не увенчалась успехом — следов древнего могильника в радиусе ста метров от поселения не обнаружено (Латышева 1985: 24). Об исторической судьбе Маслин можно говорить уверенно — археологически прослеживается гибель поселения в результате нападения со стороны кочевников степи в середине II в. до н. э. В. А. Латышева не успела в полной мере обработать и ввести в научный оборот результаты раскопок памятника (подробно о вкладе В. А. Латышевой в его исследования см.: Котенко 2012: 270—272), но ее кабинетные наработки, а также ряд обобщающих выводов, посвященных поселению, по-прежнему остаются актуальными (Латышева 2010). В данной работе впервые подробно рассматриваются особенности застройки памятника, его керамического комплекса, вопросы хронологии и культурной атрибуции материала.

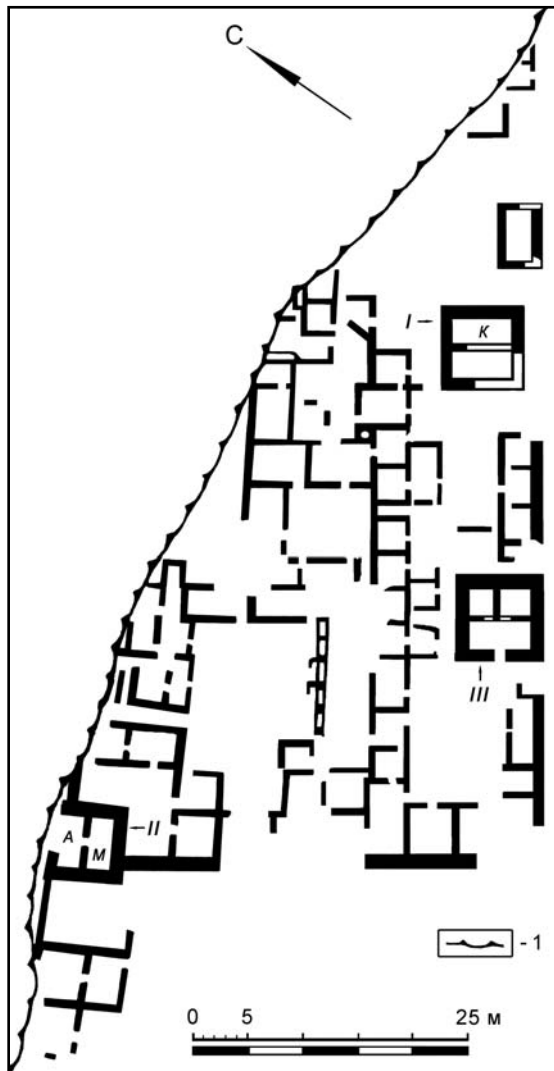
Для создания наиболее детальной характеристики материальной культуры древнегреческого поселения особое внимание традиционно принято обращать на строительные остатки и керамический комплекс. Хора Херсонеса Таврического, как выяснено на современном этапе исследований, значительно отличалась от сельскохозяйственных округ других северопричерноморских полисов. Специфика херсонесских поселений заключается в организации застройки, где усадьбы представляют собой укрепленные полифункциональные

комплексы с одной или несколькими башнями (Буйских 2008: 153). Такие особенности планировки дали повод для продолжительной дискуссии о назначении этих объектов (Кругликова 1986: 169). Она получила развитие в 1990-е гг. наряду с идеями о военной колонизации Херсонесом Северо-Западной Таврики и оборонительных функциях усадеб. Строительный комплекс поселения Маслины также включает башни, поэтому его рассмотрение является важным для выяснения столь актуального на сегодняшний день вопроса о характере памятников херсонесской хоры.

С точки зрения организации внутреннего пространства, поселение делится на укрепленную западную и неукрепленную восточную части. Укрепление прямоугольной формы размерами 50×80 м (рис. 2), ориентировано по линии СЗ—ЮВ, располагалось на естественном возвышении. Основной планировочной единицей на Маслинах выступала отдельная усадьба. Строительство укрепления, вероятно, происходило в несколько этапов: в начале существования поселения появилась однобашенная усадьба, в непосредственной близости к которой в дальнейшем выстраивались другие комплексы (Латышева 1999: 80). За время раскопок на поселении в западной, южной и восточной части укрепления было открыто три башенных комплекса. Четвертая, северная башня с частью прилегающих помещений уже во время проведения археологических работ уже была уничтожена морем. Ее руины неоднократно фиксировались в затопленной части памятника (Назаров 2003: 75—76).

Комплекс южной башни, расположенный в юго-западной части поселения, вероятно, был возведен на самом раннем этапе его существования. С юго-западной и юго-восточной стороны он увязывался с внешними стенами укрепления. Имея вытянутую форму, комплекс занимал площадь около 750 м² (25×30 м). Башня располагалась в юго-восточном углу комплекса, имела выход во двор с юго-западной стороны (рис. 2). Общая характеристика этого сооружения как фортификационного элемента была дана автором раскопок (Латышева 1978: 54—56; 1999: 80—83; см. также: Котенко 2013а: 80—82).

Башня была построена из блоков местного понтийского известняка размерами около 2,0×0,8×0,45 м² и имела площадь 64 м² (рис. 3: 1). В древности сооружение, вероятно, имело в высоту несколько ярусов, о чем свидетельствует мощный фундамент (ширина стен — 1,0 м) и остатки каменного основания лестницы. Блоки были тщательно отесаны и положены насухо в регулярной клад-

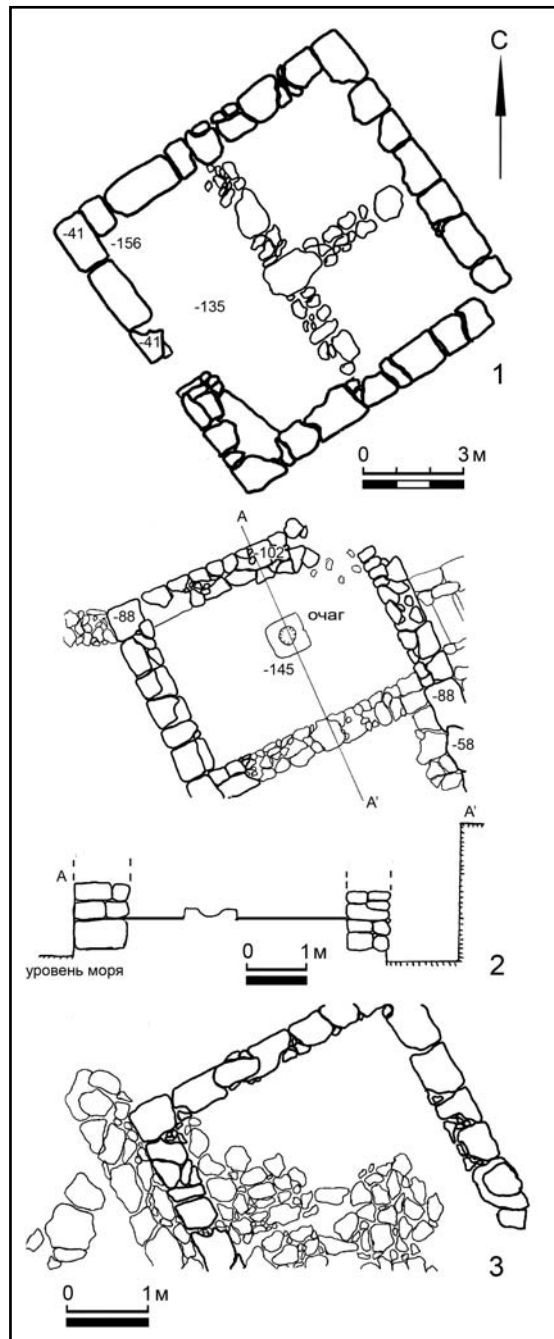

Рис. 2. План укрепленной части поселения Маслины (по Латышева 1985: 100, рис. 1; Буйских 2008: 355, рис. 68). Легенда: 1 — береговая линия; I — южная башня; II — западная башня; III — восточная башня.

Fig. 2. Plan of the fortified part of Masliny settlement (after Латышева 1985: 100, рис. 1; Буйских 2008: 355, рис. 68). Legend: 1 — sea coast; I — southern tower; II — western tower; III — eastern tower.

ке так, что вертикальные швы нижнего ряда перекрывались плитами верхнего. По внешнему фасаду блоки были обработаны в руст. С внутренней стороны они имели неправильную форму, иногда смежные камни с неровным краем смыкались в замок, что обеспечивало их прочную связь.

Внутреннее пространство башни было разделено на три смежных помещения. Кладки между ними были тоньше наружных стен (ширина 0,6 м), сложены из камней меньших размеров со следами обработки и положены на фундамент из рваного камня (Латышева 1973: 10). Два смежных помещения с общей стеной имели площадь по 3×3 м. Третье поме-

Рис. 3. Строительные остатки укреплений: 1 — план южной башни; 2 — план помещения А западной башни; 3 — план помещения К восточной башни (по Латышева 1972: табл. I, рис. 7; 1973: табл. V, рис. 16; 1974: табл. I, рис. 2).

Fig. 3. Building remains of towers: 1 — plan of the south tower; 2 — plan of room A of the western tower; 3 — plan of room K of the eastern tower (after Латышева 1972: табл. I, рис. 7; 1973: табл. V, рис. 16; 1974: табл. I, рис. 2).

щение вдоль их общей стены, соответственно, было вдвое больше.

Центральную часть комплекса занимал двор площадью около 150 м² (15×10 м), вымощенный известняковыми плитами разного размера. Вымостка примыкала непосред-

ственно к башне, перекрывая ее цоколь. Через двор проходил водосток, который был проложен под вымосткой и выходил за пределы внешней стены комплекса. На территории двора находился колодец, появление которого В. А. Латышева относил к концу IV в. до н. э. Его горловина накрывалась массивной плитой с отверстием диаметром 0,5 м, а яма имела глубину 3,5 м, с верхним диаметром 1 м и нижним — 1,6 м (Латышева 1999: 84).

Площадь двора по внутреннему периметру была застроена шестнадцатью небольшими помещениями. Они были сооружены из камней разных размеров на глиняном растворе и в большинстве своем имели хозяйственное назначение, исходя из общей характеристики обнаруженной внутри керамики и бытовых вещей. И только некоторые из них, вероятно, были жилыми, так как в них находились очаги и специфические бытовые предметы в заполнении: светильники, терракоты, украшения (Латышева 1974: 21). Эти помещения по периметру объединяла общая стена, которая с юго-запада и с юго-востока отличалась массивностью и, вероятно, уже в период возведения комплекса имела оборонительные функции. Исключение составляла северо-западная группа помещений, которая формировала внутреннее пространство всей усадьбы. Сложная система выходов ориентировала большинство помещений на внутренний двор, другие были просто связаны между собой. Стены некоторых из них были построены вплотную, а не в перевязь, что дает возможность проследить развитие всего строительного комплекса.

Западная башня не связана с подобной регулярной застройкой. Стены сооружения возведены на мощном фундаменте, который был углублен в материковый грунт на 0,6—0,8 м. Он состоял из массивных блоков известняка, ракушечника, песчаника размерами до 0,9 × 1,2 м. В плане плиты фундамента приближались к прямоугольнику, их поверхность была грубо обработана, а в кладке швы между крупными камнями были заложены мелким бутлом. Ширина стен по периметру здания составляла 0,8 м, фундамент выступал за красную линию фасада на 0,2 м (Латышева 1972: 5—6). Кладка была сложена по двухслойной системе, более крупные камни выкладывались по фасаду и дополнялись до нужной ширины мелким бутлом с внутренней стороны. Блоки внешнего ряда имели правильную форму и заглаженную поверхность, но без руста. Общая площадь здания автором раскопок не приведена, но о ней можно судить по площади двух смежных помещений, из которых она состо-

яла: помещение «А» имело площадь 5×6,6 м, а помещение «М» — 6,05×4,05 м (Латышева 1972: 5; 1973: 2). Их разделяла внутренняя перегородка, менее капитальная по технике кладки, нежели внешние стены.

Башня была ориентирована выходом на север, куда и развивалось строительство комплекса. Восточный угол сооружения выходил на вымощенный двор, по периметру которого располагались хозяйственные и жилые помещения. На его территории находились углубленные в землю конструкции хозяйственного назначения (Латышева 1972: 13). Через главный двор комплекса западной башни также проходил водосток, направленный в сторону моря. Его борта были облицованы каменными плитами. Сверху он также перекрывался плоскими плитами. Застройка рассматриваемого комплекса, вероятно, происходила со стороны соседнего комплекса южной башни, о чем свидетельствует сооружение некоторых помещений на земляном полу, ниже уровня кладки двора, а также их связь с внешней оборонительной стеной. И наоборот, более поздние помещения захватывали кладку двора и имели стены, пристроенные вплотную к уже существовавшим конструкциям. Северная часть комплекса уже на время раскопок была затоплена морем, что ограничивает информацию об оборонительной линии северо-западной части всей усадьбы.

Необычным представляется обустройство помещения «А» (рис. 3: 2). Пол его был глинобитным, сохранились остатки обмазки белого и розового цвета. В центре находился открытый глиняный очаг квадратной формы (0,80×0,80 м) со специфическим углублением и следами обожженной глины, сажи, угля. Он был покрыт обмазкой того же цвета, что и пол. Рядом с очагом находилась чаша, углубленная в пол (Латышева 1972: 7). Очевидно, помещение было парадным, предназначенным для отправления культов. Возможно, оно могло иметь и функции андрона, подобно тому, который известен из раскопок эллинистического дома Керкинитиды (Кутайсов 1985: 183—184). Галечный пол, как характерная черта благоустройства таких помещений, здесь не был обнаружен, но расположение помещения внутри комплекса, крашенные стены и очаг-алтарь свидетельствуют о том, что здесь могли проводиться застольные трапезы.

Восточная башня обеспечивала жизнедеятельность группы помещений юго-восточной части поселения Маслины. Фундамент ее стен уже не был таким мощным, как в южной и западной башнях. Он представлял собой траншею шириной 0,6 м и глубиной

0,3—0,4 м, которая была заполнена необработанным камнем разных размеров. Стены восточной башни, как и других монументальных сооружений, имели ширину 0,8 м и состояли из крупных обработанных каменных блоков, размеры которых достигали 1,75×0,5×0,8 м; 1,4×0,6×0,8 м; 1,0×0,4×0,8 м (Латышева 1973: 6). С внутренней стороны края блоков были оборваны и дополнены до нужной ширины мелким бутом на глиняном растворе.

Восточная башня, вероятно, состояла из двух смежных помещений. Одно из них — помещение «К» имело площадь 7×3,95 м (рис. 3: 3). Площадь другого помещения точно вычислить не удалось в связи со значительными утратами плана. Выход из башни был ориентирован на внутренний двор, который, в отличие от других комплексов, был вымощен лишь частично. По периметру он был застроен помещениями хозяйственного и жилого назначения. Северо-западная линия помещений продолжала ряд зданий комплекса южной башни, что говорит о безусловном существовании единого плана строительства всего укрепления. Для благоустройства комплекса было предусмотрено устройство водостока и колодца. Водосток был образован двумя рядами плоских плит, поставленных на ребро, и выведен за пределы двора (Латышева 1977: 18). Горло колодца было перекрыто плитой-монолитом неправильной формы с отверстием, а его заполнение было исследовано до глубины 2,15 м.

Учитывая, что комплекс южной башни был соединен с соседним комплексом западной башни общими помещениями, а ряд зданий комплексов южной и восточной башни имели общую стену, В. А. Латышева предлагала рассматривать все строительные комплексы как взаимосвязанные, входившие в единую систему укрепления. В этом плане с наблюдениями автора раскопок нельзя не согласиться.

Комплекс северной башни на время раскопок уже был частично разрушен морем. Судя по его остаткам, северная часть укрепления Маслин имела достаточно плотную застройку. Характерные помещения из небольших камней на глинистом растворе также были, вероятно, сгруппированы вокруг двора. Учитывая плохую сохранность комплекса, сложно говорить о взаиморасположении отдельных его зданий.

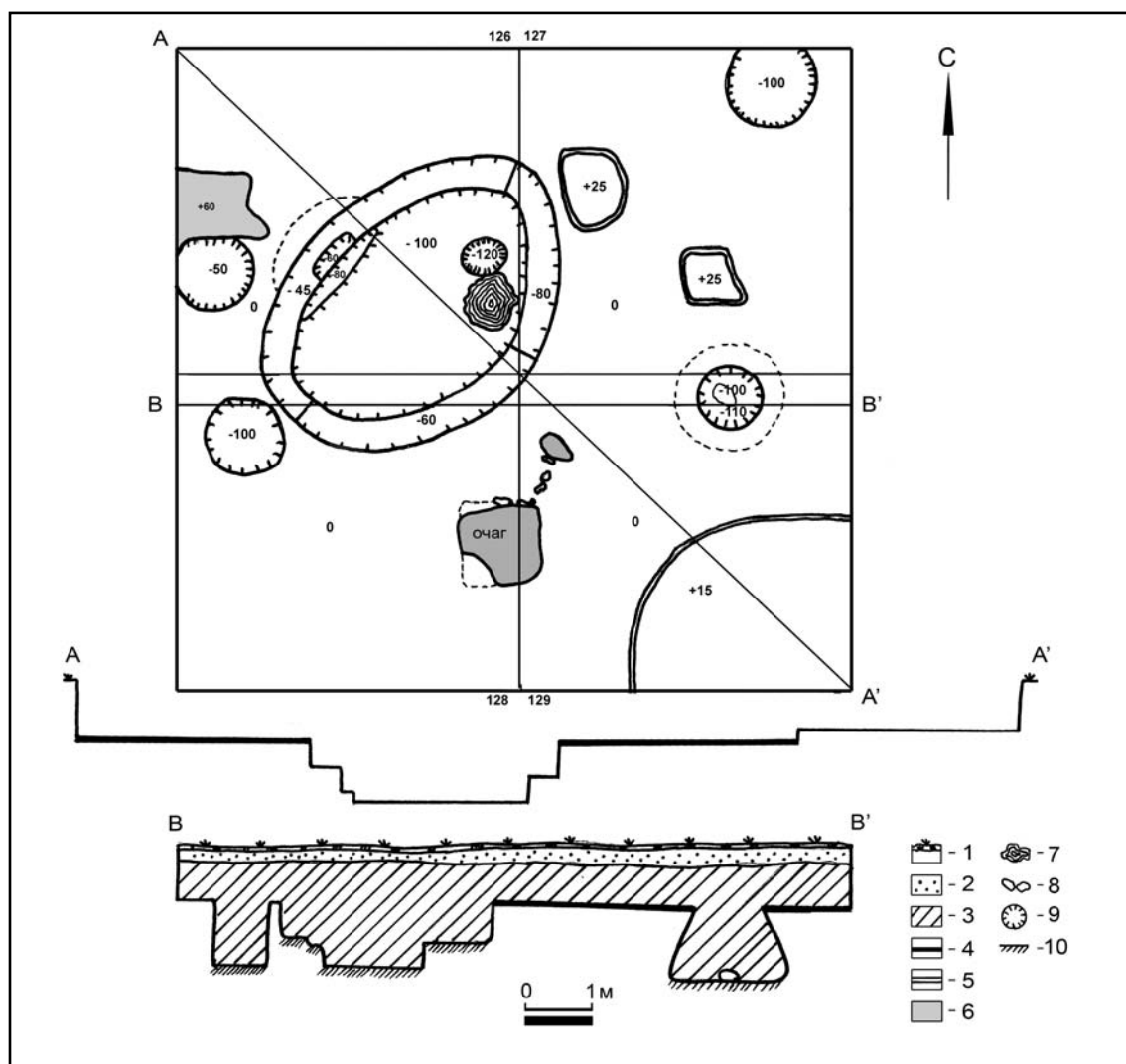
Оборонительные сооружения поселения Маслины находят ближайšie аналогии практически на всех соседних памятниках хоры Херсонеса. В частности, похожая техника кладки башен и оборонительных стен известна из раскопок Калос Лимена, где она датиру-

ется концом IV в. до н.э. — первой половиной II в. до н.э. (Уженцев 2006: 42—44; Кутайсов 2012: 21—22). Этим же временем датируется аналогичное фортификационное строительство поселения Чайка, где в подобной технике возводились наружные оборонительные стены (Попова, Коваленко 2005: 12). Подобные башни зафиксированы также на других памятниках региона, в частности, на городищах Беляус (Дашевская 1969: 85—86) и Кульчук (Ланцов 2012: 75—76). Таким образом, на периферии Херсонесского государства население строго придерживалось единых, уже ставших традиционными, приемов монументального строительства.

За пределами укрепления, в восточной части поселения, раскопками было исследовано открытое селище с жилыми и хозяйственными объектами. На этом участке отсутствует плотная застройка из камня, а строительные остатки представлены, главным образом, полуземлянками. Систематические археологические исследования неукрепленной части Маслин начались в 1980 г. с целью выяснить характер этой территории, ее хронологическое и функциональное соотношение с западным укреплением в древности. В ходе раскопок этой части поселения удалось зафиксировать несколько типов жилых и хозяйственных построек. Полуземлянка овальной формы с полной площадью 3,4×4,0 м была исследована в 1983—1984 гг. (рис. 4). Ее котлован был углублен в материковую глину на 1 м, для входа был предусмотрен спуск в виде четырех глиняных ступеней, врезанных в западный борт (Латышева 1983: 8—10). Ее функциональное назначение определяется как хозяйственное, исходя из специфики внутреннего обустройства и керамического материала (Котенко 2013: 7—21).

Раскопками 1980 г. было исследовано помещение, углубленное в материковый грунт на 0,7 м, которое, вероятно, имело наземную часть в виде деревянных конструкций — над углублением объекта было темное гумусированное пятно, возможно, образовавшееся вследствие развала деревянной надстройки (Латышева 1980: 29). Прямоугольная в плане полуземлянка повторяла ориентацию строительных остатков, расположенных в укрепленной части. Часть помещения была уничтожена морем, поэтому полную ее площадь выяснить не удалось (размеры сохранившейся части 3,8×2,5 м).

Подобные сооружения характеризовались также наличием очагов и хозяйственных ям. В их заполнении преобладают фрагменты лепной посуды и амфорной тары. Такой облик

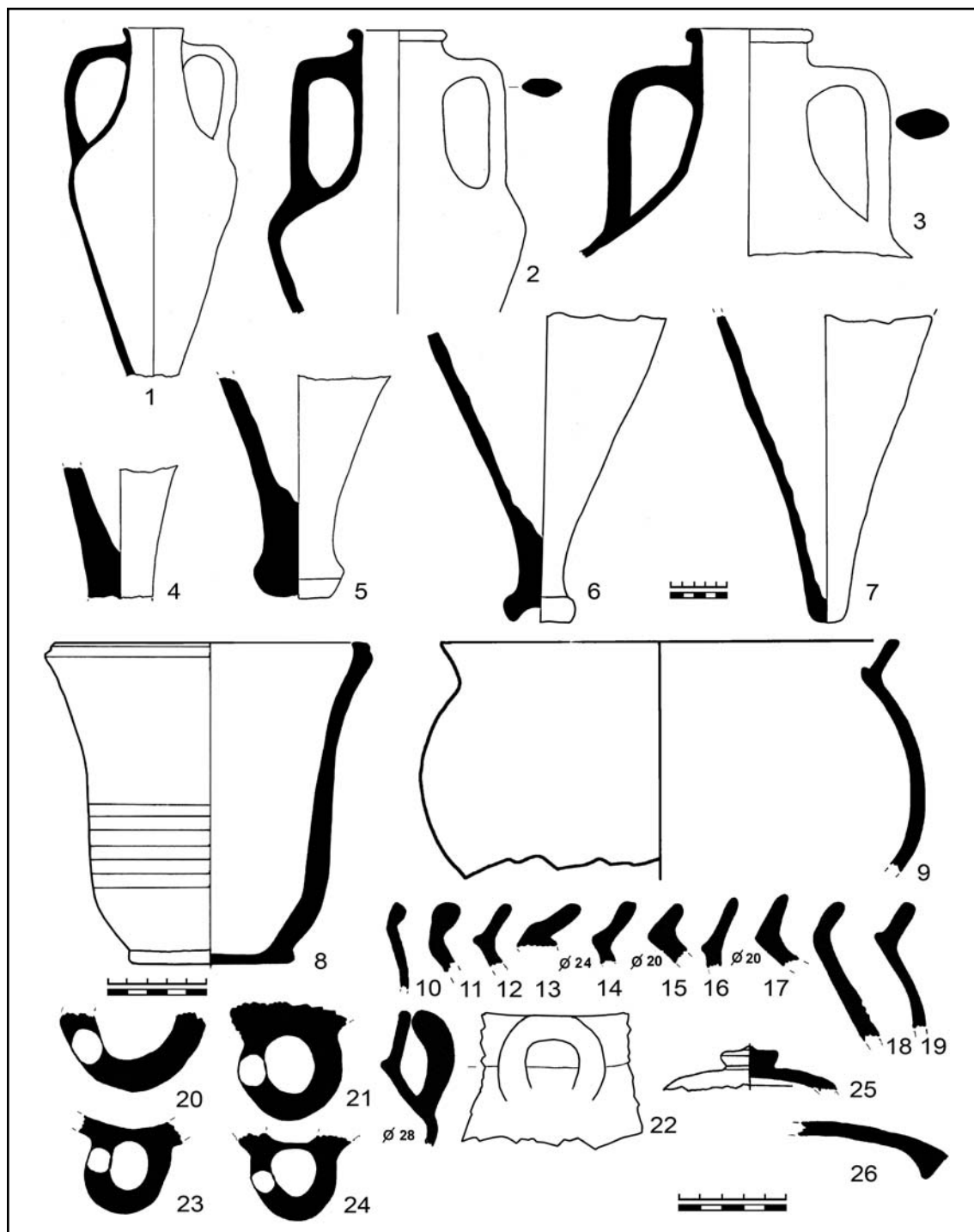
Рис. 4. План полуземлянки с прилегающими объектами (по Латышева 1984: табл. II): 1 — дерн; 2 — современный слой песка; 3 — культурный слой; 4 — уровень глинобитного пола; 5 — глинобитные возвышения; 6 — развалы очага; 7 — скопления глиняной гончарной массы; 8 — камни; 9 — ямы, полуземлянка; 10 — материк.

Fig. 4. Plan of semi-dugout with surrounding objects (after Латышева 1984: табл. II): 1 — turf; 2 — modern sand layer; 3 — cultural layer; 4 — layer of clay floor; 5 — clay elevations; 6 — remains of hearth; 7 — accumulations of clay pottery mass; 8 — stones; 9 — pits, semi-dugout; 10 — natural ground.

этой части поселения ставит вопрос о сосуществовании здесь греческого и варварского населения, который активно дискутируется уже длительное время (Марченко 2005: 14—26). В частности, присутствие объектов и материалов скифского происхождения на античных памятниках Северо-Западной Таврики уже считается закономерным явлением. Подобные углубленные постройки известны, в частности, из раскопок Керкинитиды (Кутайсов 1990: 112—122) и Калос Лимена (Уженцев 2006: 99—103), где они относятся к скифскому строительному горизонту. С уверенностью можно говорить лишь о том, что открытое селище на Маслинах с восточной стороны от укрепления представляло собой место компактного проживания населения, занимав-

шегося ремеслами. О его этническом составе однозначно говорить сложно ввиду того, что несомненные признаки варварского присутствия (в частности, курганные захоронения) не обнаружены.

Выяснение характера материальной культуры поселения возможно, прежде всего, благодаря детальному анализу массового керамического материала. По способу производства весь керамический комплекс следует разделить на гончарные и лепные изделия. Гончарную посуду по сфере применения традиционно разделяют на тару, кухонную, столовую и посуду специального назначения. Лепная посуда представлена на поселении преимущественно кухонными сосудами и, в отдельных случаях, встречаются предме-

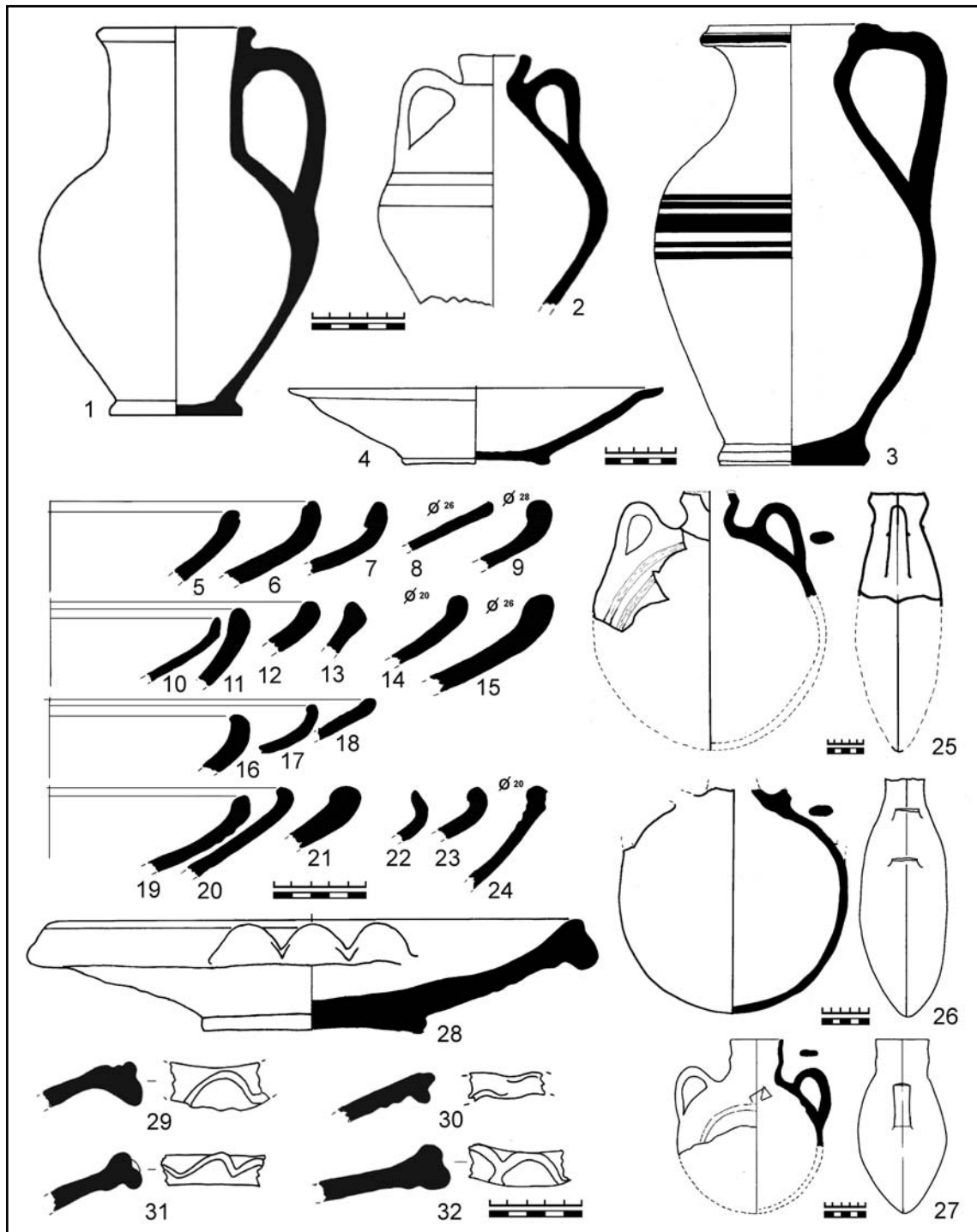
Рис. 5. Тарная и кухонная керамика поселения Маслины: 1—7 — фрагменты амфор херсонесского и синопского производства; 8 — горшок; 9—24 — фрагменты кастрюль; 25—26 — фрагменты крышек.

Fig. 5. Containers and cooking pottery from Masliny settlement: 1—7 — fragments of amphorae of Chersonessos and Sinope production; 8 — pot; 9—24 — fragments of pans; 25—26 — fragments of covers.

ты специального назначения. Каждая группа представлена, в свою очередь, конкретными формами, которые применялись в различных областях ведения хозяйства.

Керамическая тара из Маслин представлена пифосами и амфорами. Пифосы не являются массовым материалом на поселении.

В частности, сохранившаяся форма известна только из раскопок комплекса южной башни, где пифос был вкопан в землю на территории центрального двора. Отдельные его фрагменты были найдены во время расчистки хозяйственных помещений комплекса западной башни.

Рис. 6. Поселение Маслины. Столовая посуда и изделия специального назначения: 1—3 — кувшины; 4—24 — миски; 25—27 — фрагменты флагов; 28—32 — лутерии.

Fig. 6. Masliny settlement. Tableware and products for special purposes: 1—3 — jugs; 4—24 — bowls; 25—27 — fragments of flasks; 28—32 — louteria.

Массово на поселении, как и на других памятниках хоры, представлен амфорный материал (рис. 5: 1—7). Подавляющее большинство амфор поступало в Маслины из Херсонеса Таврического. Широко представлен также импорт из средиземноморских центров.

Амфоры херсонесского производства поступали на Маслины на протяжении всего времени существования поселения. Этот факт объясняет многообразие форм и их равномерное скопление в большинстве помещений как укрепления, так и селища. Морфология этих амфор широко известна

из раскопок Херсонеса и поселений его хоры (Монахов 1989: 40—42). Учитывая тот факт, что клейма на них традиционно выступают главным датирующим материалом, следует обратить особое внимание на наиболее раннее поступление амфорной тары в Маслины. Так, к примеру, в комплексе поселения присутствуют херсонесские амфоры с магистратскими клеймами астиномов Аполлония и Гераклеона, которые датируются двумя последними десятилетиями IV в. до н.э. (Кац 1994: 19—20). Импорт из Фасоса и Синопы также представлен амфорами начала и середины 10-х гг. IV в. до н.э. с клеймами магистрата Клеофона и астинома Ифиса соответственно (Кац 2007: 416, 434)².

На Маслинах в количественном соотношении преимущество принадлежит простой гончарной посуде. Этот тип керамики представлен на поселении всеми формами, которые были характерны для эллинистического времени. Многочисленные горшки, кувшины, кастрюли с крышками, миски имели широкое применение в быту поселенцев. По форме, цвету (от светло-серого и розового до красного) и составу глины они ничем не отличались от аналогичных изделий из Херсонеса и других поселений хоры.

Кухонные горшки на поселении представлены фрагментарно. Цельми дошли сосуды колоколовидной формы, изготовленные из красной глины, в которой заметны примеси известняка и шамота (рис. 5: 8). В отдельных случаях они имеют покрытие из ангоба и декорированы горизонтальными углубленными линиями.

Достаточно широко в керамическом комплексе Маслин представлены кастрюли (рис. 5: 9—24). Это сосуды округлой формы диаметром 20—24 см с отогнутым бортиком, закраиной под крышку, ниже которой были парные горизонтальные ручки. Подобные сосуды известны и из раскопок соседних поселений. На материалах из усадьбы У-6 поселения Панское I разработана их локальная классификация (Кабаев 2002: 156—157), в которой представлены аналогичные формы из Маслин. Кастрюли в основном изготовлены из оранжевой глины с примесями известняка, что указывает на их херсонесское производство. На поверхности некоторых изделий сохранились характерные следы использования — обугленные участки. Часто в комплексе находят также крышки от кастрюль (рис. 5: 25—26), которые

плотно прилегали к бортику и тоже имели разнообразную форму и профилировку.

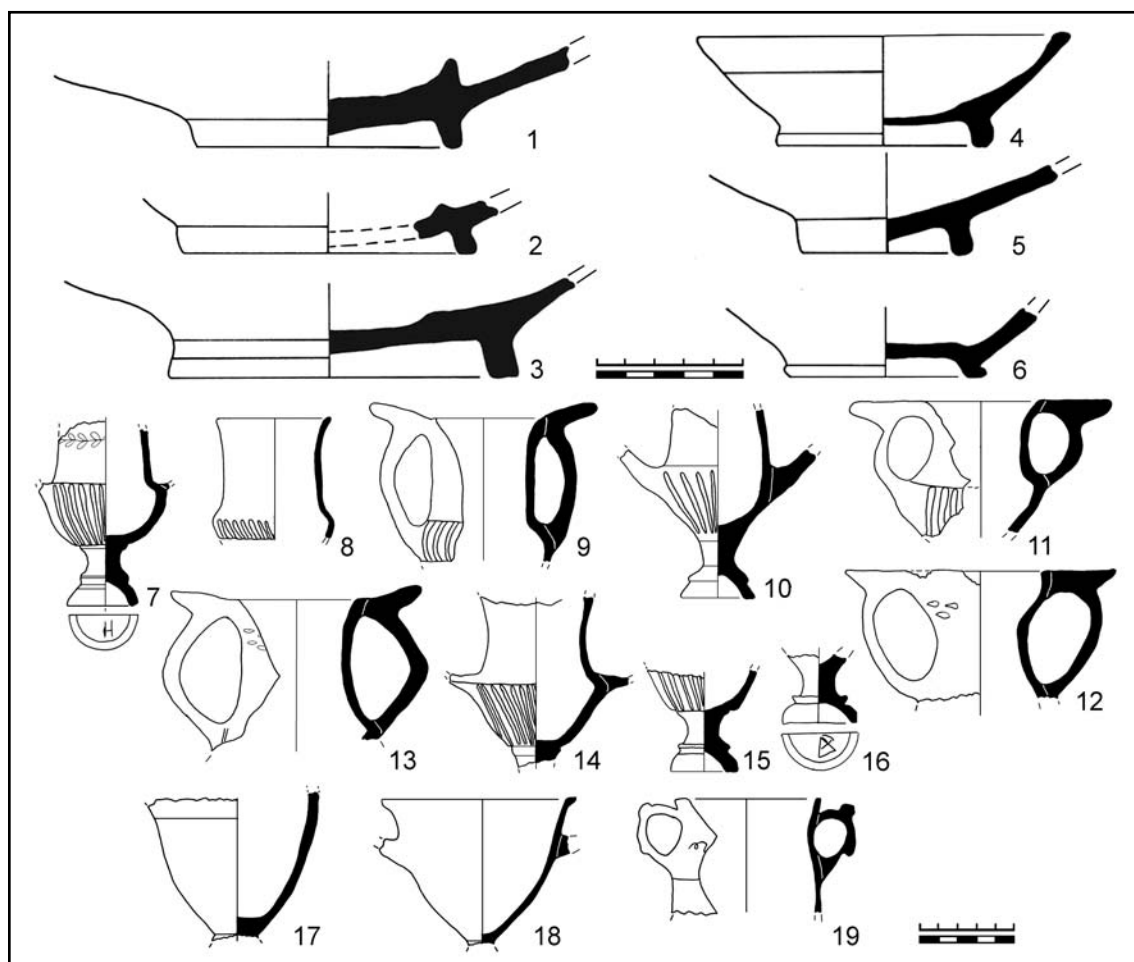
Кувшины представлены сосудами также преимущественно херсонесского производства (рис. 6: 1—3). Они изготовлены из оранжевой хорошо вымешанной глины, имеют широкое цилиндрическое горло со скошенным краем, уплощенную ручку, которая крепится одним концом к горлу, другим — к плечу сосуда, вытянутое туловище, плоское дно с выступающим рантом. Кувшины из Херсонеса часто декорировались в средней части росписью в виде полос или растительного орнамента. Другой тип кувшинов из Маслин отличается утолщенным венчиком, узким коротким горлом и двумя уплощенными ручками, которые крепились к ребру и к плечу сосуда. Аналогии таким формам широко известны как в самом Херсонесе, так на поселениях его хоры (Кабаев 2002: 150—152) и в Керкинитиде (Кутайсов 2004: 249).

Широко представлены в керамическом комплексе Маслин миски (рис. 6: 4—24). Как и на соседних поселениях хоры, выделяется шесть их типов: 1) с загнутыми венчиками, 2) с утолщенными и загнутыми венчиками, 3) с фигурными венчиками, 4) с закругленным венчиками, 5) со слегка изогнутыми стенками и закругленным венчиками, 6) с отогнутыми венчиками (Кабаев 2002: 154). В большинстве случаев они изготовлены из розовой или оранжевой глины, в тесте заметны примеси известняка и шамота, что также указывает на изготовление этого типа посуды в Херсонесе Таврическом. Характерной чертой многих мисок из Маслин являются следы ремонта, что говорит о высоком спросе на них среди населения.

К редкой группе мелкогобаритной керамической тары из Маслин принадлежат так называемые фляги (рис. 6: 25—27). Это небольшие закрытые сосуды, обычно характеризующиеся наличием широкого округлого или уплощенного тулова круглой или вытянутой формы без обозначенного дна; две ручки чаще всего крепятся от плечей к горлу (иногда скошенному относительно туловища) или к самим плечам. Фляги из Маслин, полученные при раскопках западной укрепленной части поселения, принадлежат к херсонесскому производству и по аналогиям из других поселений хоры датируются концом IV — первой третью III вв. до н.э. (Кутайсов, Уженцев 1994: 58; Кабаев 2002: 166; Попова, Коваленко 2005: 23).

В отдельную группу толстостенной керамики следует отнести лутерии (рис. 6: 28—32). Изделия из Маслин представлены экспортом

² Благодарю В. И. Каца за помощь в предварительном определении клейм.

Рис. 7. Поселение Маслины. Чернотаковая керамика: 1—3 — фрагменты рыбных блюд; 4—6 — фрагменты мисок; 7—19 — канфары.

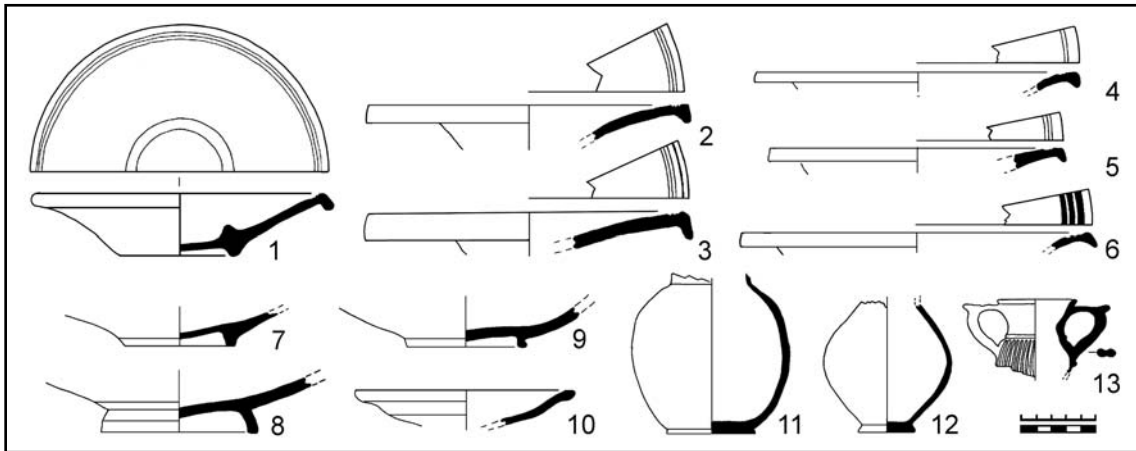
Fig. 7. Masliny settlement. Black-glazed pottery: 1—3 — fragments of fish plates; 4—6 — fragments of plates; 7—19 — kantharos.

из Синопы и изготовлены из красной или коричневой глины с незначительными включениями. Согласно существующей классификации лутериев из Ольвии, аналогичные формы из Маслин относятся ко II группе (с отогнутыми бортами) типа 10 (Лейпунська 1980: 39). Ближайшие аналоги лутерии с Маслин находят на усадьбе У-6 поселения Панское I (Ка́шев 2002: 174), в частности, общим является декор по краю в виде групп полуовальных углублений.

Парадная столовая посуда на поселении представлена чернотаковой керамикой. В античных центрах Северного Причерноморья она традиционно считается импортом из Атики, лишь в отдельных случаях отмечается поступление из малоазийских центров и Македонии во второй половине III в. до н. э. (Егорова 2009: 46—64). Удельный вес чернотаковых сосудов на поселении Маслины среди других категорий археологического материала незначительный — менее 1%

(Латышева 2001: 67). Основная их масса локализуется в западной части поселения и связана с башнями. Из восточной части поселения, где основным типом жилища были углубленные конструкции, происходят единичные фрагменты.

Основными формами чернотаковой посуды, представленными на поселении, являются рыбные блюда, миски и канфары. Датировка форм чернотаковой посуды на сегодня возможна благодаря уточненной хронологии материалов Афинской агоры (Rotroff 1997). Так, рыбные блюда из Маслин, имеющие диаметр по венчику 20—25 см (8—10 см по доньшку), отогнутый почти под прямым углом на 1—1,5 см край, углубленную в доньшко на 1,5—2 см солонку, бытовали с конца IV до начала II в. до н. э. (рис. 7: 1—3). Ближайшие аналогии рыбные блюда из Маслин находят на поселении Панское I (Hannestad et al. 2002: pl. 69) и на городище Чайка (Попова, Коваленко 2005: 52—53). Чернотаковые

Рис. 8. Поселение Маслины. Серолощенная керамика: 1—6 — фрагменты рыбных блюд; 7—10 — фрагменты мисок; 11—12 — кувшины; 13 — канфар.

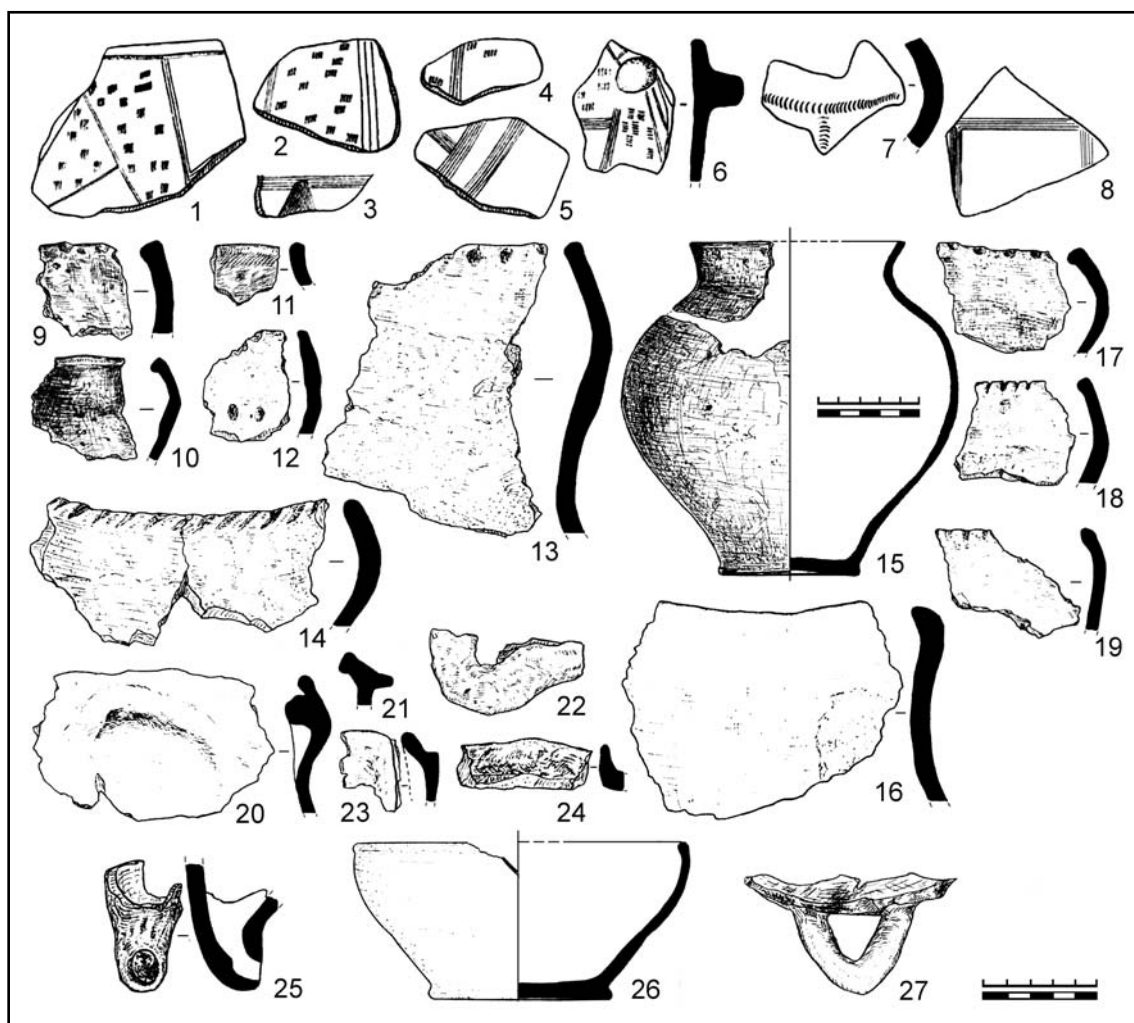
Fig. 8. Masliny settlement. Grey ware pottery: 1—6 — fragments of fish plates; 7—10 — fragments of plates; 11—12 — jugs; 13 — kantharoi.

миски отличаются тонкими стенками — 0,5—0,7 мм, прямым или несколько загнутым венчиком, поднятым непрофилированным поддоном (рис. 7: 4—6). По известным аналогиям из малоазийских центров, такие формы распространялись с первой половины III в. до н. э. (Егорова 2009: 156—157). В отдельную группу черноточеной посуды следует выделить канфары. Среди представленного на поселении материала встречаются классические канфары (рис. 7: 7—16) с четким профилированием — высокое горло и каннелированные или гладкие плечики. Ручки вертикальные, прикрепленные к плечикам и к венчику. Типы канфаров из Маслин находят параллели во многих античных центрах, начиная с соседних поселений хоры Херсонеса (Уженцев 2006: 211; Hannestad et al. 2002: pl. 62—63; Попова, Коваленко 2005: рис. 40: 6), Ольвии (Handberg, Petersen 2010: 185—261), Истрии (Alexandrescu 1978: 82—93) и заканчивая материковой Грецией (Rotroff 1997). Время бытования канфаров этого типа приходится на две первые четверти III в. до н. э. В материале из поселения Маслины присутствуют также чашевидные канфары классического и эллинистического типов (рис. 7: 17—19), которые известны также из раскопок Керкинитиды и Западно-Донузлавского городища и были распространены в регионе в течение первой четверти III в. до н. э. (Егорова 2009: 96—97).

В керамическом комплексе из Маслин представлена также компактная группа серолощенной посуды (Котенко 2011: 68—76). По назначению, подобно черноточеной посуде, она распределяется на рыбные блюда, миски, столовые кувшины небольших размеров. Рыбные блюда из Маслин имеют диаметр

20—25 см, отогнутые бортики и выделенную придонную часть (рис. 8: 1—6). Серолощенные миски повторяют формы черноточеной посуды, имея диаметр от 15 см и приподнятую придонную часть (рис. 8: 7—10). Столовые кувшины отличаются тонкими стенками, плоским дном и небольшими размерами — высотой 10—12 см (рис. 8: 11—12). К уникальным формам можно отнести серолощенный канфар, дублирующий форму и декор черноточеной посуды (рис. 8: 13). Черноточеные и серолощенные изделия из Маслин синхронны, но если первые традиционно ассоциируются с аттическим производством, то вторые являются продукцией северопрichernоморских центров. На поселениях Северо-Западного Крыма такой тип посуды датируется первой половиной IV — первой половиной III вв. до н. э. (Ушаков, Ушакова 2012: 176).

На сегодня вопрос происхождения этой керамики остается дискуссионным. В. А. Латышева предполагала, что эта посуда поступала в Маслины из Херсонеса. Но дальнейшие исследования поселений хоры Херсонеса и Ольвии дали основания для целого ряда других соображений по этому поводу. С. Б. Буйских и В. В. Крапивина, касаясь темы производства серолощенной посуды в Ольвии (Буйских 2007: 39; Крапивина 2007: 98—99), отметили, что здесь она является массовым керамическим материалом и, вероятно, местной продукцией еще с конца VI в. до н. э. В Маслины такая посуда могла попадать как непосредственно из Ольвии, так и через Херсонес. Однако говорить о поступлении серолощенной столовой посуды в Маслины именно из Ольвии сейчас следует только в предположительной форме, хотя степень этого

Рис. 9. Поселение Маслины. Лепная керамика: 1—8 — фрагменты керамики кизил-кобинского типа; 9—27 — керамика скифского типа (по Латышева 1980).

Fig. 9. Masliny settlement. Handmade pottery: 1—8 — pottery fragments of Kizil-Koba type; 9—27 — ceramics of Scythian type (after Латышева 1980).

предположения кажется достаточно высокой. Окончательные выводы можно будет сделать, только опираясь на данные специальных анализов керамического теста.

В керамическом комплексе Маслин обращает на себя внимание значительное количество лепной посуды. Она представлена традиционными формами — горшками, кастрюлями, сковородками, мисками, кружками. По подсчетам автора раскопок, около 40% всех лепных горшков орнаментированные. По внешнему виду и технологии лепная посуда из Маслин указывает на присутствие, кроме греков, носителей кизил-кобинской культуры и скифов. Впервые на таврскую посуду в Маслинах (рис. 9: 1—8) обратила внимание В. А. Латышева, предполагая, что тавры не представляли на поселениях хоры самостоятельного этноса, а в Маслинах, в частности, они могли обслуживать быт греков (Латышева

1997: 59). Присутствие кизил-кобинской посуды в помещениях башенных комплексов не подтверждает там физического присутствия тавров, а может лишь свидетельствовать об экономических связях между этносами. В. А. Латышева датировала посуду кизил-кобинской культуры временем с конца IV до II вв. до н. э. (Латышева 1993: 75). Согласно последним разработкам, эта категория посуды из Маслин относится к таврскому периоду развития кизил-кобинской культуры и может датироваться 373—350 гг. до н. э. (Кравченко 2011: 234).

Значительный массив лепной керамики на поселении представлен типичными скифскими горшками, кастрюлями, мисками, курильницами (рис. 9: 9—27). Это толстостенные грубо сделанные сосуды с характерным декором венчиков в виде ямочно-пальцевых вдавлений, иногда с отпечатком ногтя, косой

или прямой нарезки по краю, выполненной палочкой или ножом. Аналогичная посуда известна из раскопок позднескифских слоев Калос Лимена и датируется концом третьей четверти I — первой половиной II в. н. э. (Уженцев 2006: 33). Таким образом, керамический комплекс Маслин представлен всей полнотой типов и форм изделий, характерных для большинства античных памятников Северо-Западной Таврики.

Рассматривая вопрос о месте поселения Маслины в системе поселений хоры Херсонеса Таврического, следует отметить следующие дискуссионные моменты. Маслины являются крайним северным пунктом Херсонесского государства (среди известных к настоящему времени) с типичными для других поселений строительными остатками и керамическим комплексом. Укрепление было сооружено в традициях херсонесского монументального строительства. В планировочном отношении оно, скорее всего, подчинено городскому квартальному принципу строительства, что, в свою очередь, не исключало полифункционального назначения башенных сооружений. Такие и близкие строительные комплексы уже неоднократно зафиксированы на территории херсонесской хоры (Буйских 2008: 152—153), однако этот вопрос все еще ждет своего окончательного решения.

Одним из проблемных моментов в изучении поселений херсонесской хоры и ее населения является их полиэтничный облик. Наличие селища, располагающегося со всех сторон суши от укрепления Маслин, ставит вопрос о греко-варварских отношениях в пределах памятника. В этом отношении уместным является замечание В. А. Кутайсова, что в Северо-Западном Крыму не было такого четко выраженного оседания скифов с последующим их включением в состав государства, как

это прослеживается на Боспоре. Хотя именно на примере Маслин он предполагает существование, наряду с греческими укреплениями, открытых поселков варварского характера (Кутайсов 2004: 117). На наш взгляд, сейчас уместно предполагать смешивание населения, что соответствует материальному облику поселения и фиксируется на соседних памятниках Северо-Западной Таврики.

Что касается географического расположения поселения Маслины и протяженности хоры Херсонесского государства, то анализ отдельных групп керамики прямо указывает на прочные экономические связи между Ольвией и Херсонесом в раннеэллинистическое время. Этот вопрос уже неоднократно поднимался в связи с попытками выявить пограничные рубежи этих соседних северопричерноморских государств (Ланцов 1991: 11; Билкова 1994: 19—31), определить масштабы их влияния на окрестные территории. На наш взгляд, общие черты материальной культуры поселений херсонесской и ольвийской хоры, которые сосредоточены в непосредственной близости друг к другу, дают возможность предполагать некую рубежную (контактную) территорию между государствами. Однако окончательные выводы о характере поселений восточной части ольвийской хоры и северных границ Херсонесского полиса можно будет сделать, археологически исследуя памятники региона и изучая массовый керамический материал. Эти и другие вопросы еще ждут своего дальнейшего исследования. Тем не менее, уже сейчас понятно, что поселение Маслины в Северо-Западной Таврике является чрезвычайно важным памятником для выяснения вопросов, поднятых в этой статье, и еще многих других спорных моментов, связанных с изучением организации хоры Херсонеса Таврического.

Литература

- Билкова В. П. 1994. До питання про східну межу сільської округи Ольвії в пізньокласичний — ранньоелліністичний час. *Археологія* (3), 19—31.
- Буйских А. В. 2008. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху. *МАИЭТ. Supplementum* 5.
- Буйских С. Б. 2007. Серая гончарная керамика Ольвии и ее хоры VI—I вв. до н. э. (историографический аспект). В: Тункина И. В. (отв. ред.). *ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ: Антиковедческо-историографический сборник памяти Ярослава Витальевича Доманского (1928—2004)*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 28—44.
- Дашевская О. Д. 1969. Античная башня на городище Беляус. *КСИА* 116, 85—92.
- Егорова Т. В. 2009. *Чернолаковая керамика IV — II вв. до н. э. с памятников Северо-Западного Крыма*. Москва: МГУ.
- Кац В. И. 1994. *Керамические клейма Херсонеса Таврического*. Саратов: Изд-во Саратовского университета.
- Кац В. И. 2007. *Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения)*. БИ XVIII.
- Котенко В. В. 2011. Сіролощена кераміка з поселення Маслини. *Археологія* (1), 68—76.
- Котенко В. В. 2012. До історії дослідження поселення Маслини у Північно-Західній Тавриці. *Древности 2012*, 264—274.
- Котенко В. В. 2013. Господарський комплекс з поселення Маслини у Північно-Західній Тавриці. *ВХУ* 47, 7—21.
- Котенко В. В. 2013а. Зразки кладок баштових будівель поселення Маслини. *Археологія* (4), 79—85.

- Кравченко Е. А. 2011. *Кизил-кобинська культура у Західному Криму*. Київ; Луцьк: Вид-во ІА НАН України.
- Крапивіна В. В. 2007. Сіроглиняна кераміка Ольвії VI—V ст. до н. е. *Археологія* (1), 98—106.
- Кругликова И. Т. 1986. Башни на сельскохозяйственных усадьбах Гераклеяского полуострова. В: Кошеленко Г. А. (отв. ред.). *Проблемы античной культуры*. Москва: Наука, 168—175.
- Кутайсов В. А. 1985. Дом с андроном из раскопок Керкинитиды. *СА* (3), 178—190.
- Кутайсов В. А. 1990. *Античный город Керкинитиды*. Киев: Наукова думка.
- Кутайсов В. А., Уженцев В. Б. 1994. Восточные ворота Калос Лимена. В: Кутайсов В. А. (отв. ред.). *Северо-Западный Крым в античную эпоху*. Киев: Киевская Академия Евробизнеса, 44—70.
- Кутайсов В. А. 2004. *Керкинитиды в античную эпоху*. Киев: Корвин Пресс.
- Кутайсов В. А. 2010. Природа Северо-Западного Крыма в античную эпоху. *БИ* XXIV, 291—320.
- Кутайсов В. А. 2012. Один из ключевых элементов фортификации Калос Лимена (башня № 6). *АА* 28, 19—34.
- Ланцов С. Б. 1991. *Западный Крым в составе Херсонесского государства*. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Киев.
- Ланцов С. Б. 2008. О скифо-херсонесских отношениях в последней трети IV — первой трети III вв. до н. э. В: Петрова Э. Б. (отв. ред.). *Херсонесский колокол*. Симферополь: Сонат, 101—110.
- Ланцов С. Б. 2012. Кульчужское городище. Краткий обзор исследований Донузлавской экспедиции КФ ИА НАНУ. В: Пысач З. И. (сост.). *Калос Лимен: музей и заповедник*. Симферополь: Н. Оріанда, 73—89.
- Латышева В. А. 1972. *Отчет о раскопках Харьковской отряда Северо-Крымской археологической экспедиции Института археологии АН УССР в 1972 г.* НА ИА НАНУ. 1972/122.
- Латышева В. А. 1973. *Звіт з ілюстративним матеріалом про розкопки Харківського заgonу Північно-Кримської експедиції Інституту археології АН УРСР у Північно-Західному Криму в 1973 р.* (рос. мовою). Архив МАЭСУ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 3.
- Латышева В. А. 1974. *Отчет о раскопках экспедиции Харьковского университета в 1974 году*. НА ИА НАНУ. 1974/126.
- Латышева В. А. 1977. *Отчет о раскопках Северо-Крымской экспедиции в 1977 году*. НА ИА НАНУ. 1977/43.
- Латышева В. А. 1978. Раскопки античного поселения Маслины в Северо-Западном Крыму. *КСИА* 156, 53—61.
- Латышева В. А. 1980. *Отчет о раскопках Северо-Крымской археологической экспедиции Харьковского госуниверситета в 1980 году*. НА ИА НАНУ. 1980/104.
- Латышева В. А. 1983. *Отчеты об археологических исследованиях за 1983 год*. Архив МАЭСУ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 14.
- Латышева В. А. 1984. *Отчет о работе Северо-Крымской археологической экспедиции Харьковского госуниверситета в 1984 году*. НА ИА НАНУ. 1984/81.
- Латышева В. А. 1985. *Отчет о раскопках Северо-Крымской археологической экспедиции Харьковского госуниверситета в 1985 году*. НА ИА НАНУ. 1985/167.
- Латышева В. А. 1993. Греки, скифы, тавры в IV—II вв. до н. э. В: *Греція: історія та сучасність*. Тези міжнар. наук. конф. Київ, 74—75.
- Латышева В. А. 1997. О населении херсонесской хоры в Северо-Западном Крыму (по материалам поселения Маслины). *Древности* 1996, 56—61.
- Латышева В. А. 1999. О благоустройстве сельских поселений на территории херсонесской хоры (по материалам поселения Маслины). *Древности* 1997—1998, 79—89.
- Латышева В. А. 2001. Черноталовая керамика из раскопок поселения херсонесской хоры Маслины. В: Мещеряков В. Ф. (отв. ред.). *Проблемы истории и археологии Украины*. Материалы международной научной конференции, посвященной 10-летию независимости Украины. Харьков, 16—18 мая 2001 г. Харьков, 67.
- Латышева В. А. 2010. *Маслины — античное поселение в Северо-Западном Крыму*. Харьков: ХНУ имени В. Н. Каразина.
- Лейпунська Н. О. 1980. Лутерії з Ольвії. *Археологія* 33, 32—46.
- Марченко К. К. 2005. Основные аспекты и результаты изучения греко-варварских контактов и взаимодействий в Северном Причерноморье скифской эпохи. В: Марченко К. К. (отв. ред.). *Греки и варвары Северного Причерноморья в античную эпоху*. Санкт-Петербург: Алетейя, 12—26.
- Монахов С. Ю. 1989. *Амфоры Херсонеса Таврического IV—II вв. до н. э. Опыт системного анализа*. Саратов: Изд-во Саратовского университета.
- Назаров В. В. 2003. *Гидроархеологическая карта черноморской акватории Украины (памятники античной и средневековой эпох)*. Киев: СтилоС.
- Пальцева Л. А. 1988. *Херсонес Таврический в V—I вв. до н. э.* Ленинград: ЛГУ.
- Подгородецкий П. Д. 1994. Природа Западного Крыма в античную эпоху. В: Кутайсов В. А. (отв. ред.). *Северо-Западный Крым в античную эпоху*. Киев: Киевская Академия Евробизнеса, 11—29.
- Попова Е. А., Коваленко С. А. 2005. *Историко-археологические очерки греческой и позднескифской культур в Северо-Западном Крыму (по материалам Чайкинского городища)*. Москва: МГУ.
- Смекалова Т. Н. 2010. П. Н. Шульц — первооткрыватель археологических памятников Тарханкутского полуострова. *МАКК* III, 4—6.
- Уженцев В. Б. 2006. *Эллины и варвары Прекрасной Гавани. (Калос Лимен в IV в. до н. э. — II в. н. э.): Материалы по археологии Крыма*. Симферополь: Сонат.
- Ушаков С. В., Ушакова К. С. 2012. Сероглиняная керамика с черным покрытием из раскопок на хоре Херсонеса. В: Кемалова А. Р. (сост.). *Историко-культурное наследие Тарханкута: новые тенденции развития, новые возможности*. Симферополь: Н. Оріанда, 166—177.
- Шульц П. Н. 2010. Отчет о работе отряда по исследованию памятников от устья р. Альма до д. Краснорское, от д. Оленевка на Тарханкутском п-ве до Перекопа. *МАКК* III, 25—31.
- Щеглов А. Н. 1978. *Северо-Западный Крым в античную эпоху*. Ленинград: Наука.
- Щепинский А. А. 1972. Исследования в Степном Крыму. *АО* 1971 года, 326—327.
- Щепинський А. О., Черепанова О. М. 1974. Пам'ятки античного часу на березі Каркінітської затоки. *Археологія* 13, 62—64.

- Alexandrescu P. 1978. *Céramique attique à vernis noir. La céramique d'époque archaïque et classique (VIIe — IVe s.)*. Histria IV. București: Editura Academiei Republicii Socialiste România.
- Handberg S., Petersen J.H. 2010. Glossed Pottery, Black glossed pottery, West Slope pottery, Brown-glossed pottery, Wheelmade bowls with horizontal fluting. In: *The Lower City of Olbia (Sector NGS) in the 6th Century BC to the 4th Century AD*. Aarhus: Aarhus University Press, 185—261.
- Hannestad L., Stolba V.F., Blinkenberg Hustrup H. 2002. Black-Glazed, Red-Figure and Grey Ware Pottery. In: Hannestad L., Stolba V.F., Blinkenberg Hustrup H. (eds.). *Panskoye I. The Monumental Building U6*. Vol. 1. Aarhus: Aarhus University Press, 127—149.
- Kašayev S.V. 2002. Commonware. In: Hannestad L., Stolba V.F., Blinkenberg Hustrup H. (eds.). *Panskoye I. The Monumental Building U6*. Vol. 1. Aarhus: Aarhus University Press, 150—179.
- Rotroff S.I. 1997. *Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material*. The Athenian Agora XXIX. Princeton: American School of Classical Studies at Athens.

References

- Bylkova, V. P. 1994. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (3), 19—31 (in Ukrainian).
- Bujskikh, A. V. 2008. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the archaeology, history and ethnography of Tavria)*. Supplementum 5 (in Russian).
- Bujskikh, S. B. 2007. In ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ: *Antikovedchesko-istoriograficheskii sbornik pamiati Iaroslava Vital'evicha Domanskogo (1928—2004) (EYXAPIΣTHPION: Compilation of historiographical and antiquity studies to the memory of Iaroslav Vital'evich Domanski (1928—2004))*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, 28—44 (in Russian).
- Dashevskaya, O. D. 1969. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR)* 116, 85—92 (in Russian).
- Egorova, T. V. 2009. *Chernolokovaia keramika IV—II vv. do n. e. s pamiatnikov Severo-Zapadnogo Kryma (Black-glazed ware from 4th—2nd centuries BC from the sites of North-Western Crimea)*. Moscow: MGU (in Russian).
- Kac, V. I. 1994. *Keramicheskie kleima Khersonesa Tavricheskogo (Ceramic stamps of Tauric Chersonesos)*. Saratov: Saratovskii universitet (in Russian).
- Kac, V. I. 2007. *Grecheskie keramicheskie kleima epokhi klassiki i ellinizma (opyt kompleksnogo izucheniia) (Greek ceramic Classic and Hellenistic stamps (a complex study))*. Bosporskie issledovaniia (Bosporan studies) XVIII (in Russian).
- Kotenko, V. V. 2011. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (1), 68—76 (in Ukrainian).
- Kotenko, V. V. 2012. In *Drevnosty 2012 (Antiquities 2012)*, 264—274 (in Ukrainian).
- Kotenko, V. V. 2013. In *Visnyk Kharkivs'koho natsional'noho universytetu (Bulletin of Kharkiv national university)* 47, 7—21 (in Ukrainian).
- Kotenko, V. V. 2013. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (4), 79—85 (in Ukrainian).
- Kravchenko, E. A. 2011. *Kyzyl-kobyns'ka kul'tura u Zakhidnomu Krymu (Kyzyl-kobyns'ka culture in Western Crimea)*. Kiev; Lutsk: IA NANU (in Ukrainian).
- Krapivina, V. V. 2007. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (1), 98—106 (in Ukrainian).
- Kruglikova, I. T. 1986. In *Problemy antichnoi kul'tury (Problems of ancient culture)*. Moscow: Nauka, 168—175 (in Russian).
- Kutaysov, V. A. 1985. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 178—190 (in Russian).
- Kutaysov, V. A. 1990. *Antichnyi gorod Kerkinitida (Ancient town of Kerkinitida)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).
- Kutaysov, V. A., Uzhentsev, V. B. 1994. In *Severo-Zapadniy Krym v antichnui epokhu (North-Western Crimea in Antiquity)*. Kiev: Kievskaiia Akademiia Evrobiznesa, 44—70 (in Russian).
- Kutaysov, V. A. 2004. *Kerkinitida v antichnui epokhu (Kerkinitida in Antiquity)*. Kiev: Korvin Press (in Russian).
- Kutaysov, V. A. 2010. In *Bosporskie issledovaniia (Bosporan studies)* XXIV, 291—320 (in Russian).
- Kutaysov, V. A. 2012. In *Arheologicheskii al'manah (Archaeological almanac)* 28, 19—34 (in Russian).
- Lantsov, S. B. 1991. *Zapadniy Krym v sostave Khersonesskogo gosudarstva (Western Crimea in the Chersonesos state)*. PhD Thesis. Kiev (in Russian).
- Lantsov, S. B. 2008. In *Khersonesskii kolokol (Chersonesos bell)*. Simferopol: Sonat, 101—110 (in Russian).
- Lantsov, S. B. 2012. In *Kalos Limen: muzei i zapovednik (Kalos Limen: museum and reservation)*. Simferopol: N. Orianda, 73—89 (in Russian).
- Latysheva, V. A. 1972. *Otchet o raskopkakh Khar'kovskogo otriada Severo-Krymskoi arkheologicheskoi ekspeditsii Instituta arkheologii AN USSR v 1972 g. (Report on the excavations of the Khar'kov detachment of the Northern-Crimean archaeological expedition of the Institute of Archaeology of AN USSR in 1972)*. Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologii Natsional'noi Akademii nauk Ukrainy (Scientific archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine). 1972/122 (in Russian).
- Latysheva, V. A. 1973. *Zvit z ilyustratyvnyim materialom pro rozkopky Kharkivs'koho zahanu Pivnichno-Kryms'koi ekspeditsii Instytutu arkheolohii AN URSS u Pivnichno-Zakhidnomu Krymu v 1973 r. (ros. movoyu) (Illustrated report on the excavations of the Kharkiv detachment of the Northern-Crimean expedition of the Institute of Archaeology of AN URSS in North-Western Crimea in 1973)*. Arkhiv Muzeia arkheologii i etnografii Slobodskoi Ukrainy Khar'kovskogo natsional'nogo universiteta (Archive of the Museum of Archaeology and Ethnography of Slobodskaiia Ukraine of Kharkiv National University). F. 1. Op. 1. D. 3 (in Russian).
- Latysheva, V. A. 1974. *Otchet o raskopkakh ekspeditsii Khar'kovskogo universiteta v 1974 godu (Report of the excavations of the expedition of Kharkiv university in 1974)*. Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologii Natsional'noi Akademii nauk Ukrainy (Scientific archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine). 1974/126 (in Russian).
- Latysheva, V. A. 1977. *Otchet o raskopkakh Severo-Krymskoi ekspeditsii v 1977 godu (Report on the excavations of Northern-Crimean expedition in 1977)*. Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologii Natsional'noi Akademii nauk Ukrainy (Scientific archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine). 1977/43 (in Russian).
- Latysheva, V. A. 1978. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR)* 156, 53—61 (in Russian).
- Latysheva, V. A. 1980. *Otchet o raskopkakh Severo-Krymskoi arkheologicheskoi ekspeditsii Khar'kovskogo gosuniversiteta v 1980 godu (Report of the excavations of Northern-Crimean archaeological expedition of Kharkiv State University in 1980)*. Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologii Natsional'noi Akademii nauk Ukrainy (Scientific archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine). 1980/104 (in Russian).
- Latysheva, V. A. 1983. *Otchety ob arkheologicheskikh issledovaniakh za 1983 god. Arkhiv Muzeia arkheologii i etnografii Slobodskoi Ukrainy Khar'kovskogo natsional'nogo universiteta (Archive of the Museum of Archaeology and Ethnography of Slobodskaiia Ukraine of Kharkiv National University)*. F. 1. Op. 4. D. 14 (in Russian).
- Latysheva, V.A. 1984. *Otchet o rabote Severo-Krymskoi arkheologicheskoi ekspeditsii Khar'kovskogo gosuniversiteta v 1984 godu (Report of the work of Northern-Crimean*

- archaeological expedition of Kharkiv State University in 1984). Nauchnyi arkhiv Instituta arkhologii Natsional'noi Akademii nauk Ukrainy (Scientific archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine). 1984/81 (in Russian).
- Latysheva, V. A. 1985. *Otchet o raskopkakh Severo-Krymskoi arkhologicheskoi ekspeditsii Khar'kovskogo gosuniversiteta v 1985 godu (Report of the excavations of Northern-Crimean archaeological expedition of Kharkiv State University in 1985)*. Nauchnyi arkhiv Instituta arkhologii Natsional'noi Akademii nauk Ukrainy (Scientific archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine). 1985/167 (in Russian).
- Latysheva, V. A. 1993. In *Hretyia: istoriya ta suchasnist' (Greece: history and modernity)*. Kiev, 74—75 (in Russian).
- Latysheva, V. A. 1997. In *Drevnosti 1996 (Antiquities 1996)*, 56—61 (in Russian).
- Latysheva, V. A. 1999. In *Drevnosti 1997—1998 (Antiquities 1997—1998)*, 79—89 (in Russian).
- Latysheva, V. A. 2001. In *Problemy istorii i arkhologii Ukrainy (Problems of history and archaeology of Ukraine)*. Kharkov, 67 (in Russian).
- Latysheva, V. A. 2010. *Masliny — antichnoe poselenie v Severo-Zapadnom Krymu (Masliny — ancient settlement in the North-Western Crimea)*. Kharkov: KhNU (in Russian).
- Lejpunskaya, N. O. 1980. In *Arkheolohiya (Archaeology)* 33, 32—46 (in Ukrainian).
- Marchenko, K. K. 2005. In *Greki i varvary Severnogo Prichernomor'ia v antichnui epokhu (The Greeks and Barbarians of the Northern Pontic region in the Scythian epoch)*. Saint Petersburg: Aleteia, 12—26 (in Russian).
- Monachov, S. Ju. 1989. *Amfory Khersonesa Tavricheskogo IV—II vv. do n. e. Opyt sistemnogo analiza (Amphorae of Tauric Chersonesos from 4th—2nd centuries BC. A systemic analysis)*. Saratov: Saratovskii universitet (in Russian).
- Nazarov, V. V. 2003. *Gidroarkheologicheskaia karta chernomorskoj akvatorii Ukrainy (pamiatniki antichnoi i srednevekovoi epokh) (Gidroarchaeological map of Black Sea aquatorium of Ukraine (sites from Antiquity and Middle Ages))*. Kiev: Stilos (in Russian).
- Paltseva, L. A. 1988. *Khersones Tavricheskii v V—I vv. do n. e. (Tauric Chersonesos in the 6th—1st centuries BC)*. Leningrad: LGU (in Russian).
- Podgorodetskij, P. D. 1994. In *Severo-Zapadnyi Krym v antichnui epokhu (North-Western Crimea in Antiquity)*. Kiev: Kievskaia Akademiia Evrobiznesa, 11—29 (in Russian).
- Popova, E. A., Kovalenko, S. A. 2005. *Istoriko-arkheologicheskie ocherki grecheskoi i pozdneskifskoi kul'tur v Severo-Zapadnom Krymu (po materialam Chaikinskogo gorodishcha) (Historical and archaeological essays on the Greek and late Scythian cultures in the North-Western Crimea (basing on the materials from Chaika hillfort))*. Moscow: MGU (in Russian).
- Smekalova, T. N. 2010. In *Materialy k arkhologicheskoi karte Kryma (Materials for the archaeological map of Crimea)* III, 4—6 (in Russian).
- Uzhentsev, V. B. 2006. *Elliny i varvary Prekrasnoi Gavani. (Kalos Limen v IV v. do n. e. — II v. n. e.): Materialy po arkhologii Kryma (Greeks and barbarians of Prekrasnaia Gavani. (Kalos Limen in 4th century BC — 2nd century AD): Materials on the archaeology of Crimea)*. Simferopol: Sonat (in Russian).
- Ushakov, S. V., Ushakova, K. S. 2012. In *Istoriko-kul'turnoe nasledie Tarkhankuta: novye tendentsii razvitiia, novye vozmozhnosti (Historical and cultural heritage of Tarkhankut: new tendencies of development, new opportunities)*. Simferopol: N. Orianda, 166—177 (in Russian).
- Schultz, P. N. 2010. In *Materialy k arkhologicheskoi karte Kryma (Materials for the archaeological map of Crimea)* III, 25—31 (in Russian).
- Shcheglov, A. N. 1978. *Severo-Zapadnyi Krym v antichnui epokhu (North-Western Crimea in Antiquity)*. Leningrad: Nauka (in Russian).
- Shchepinskij, A. A. 1972. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1971 goda (Archaeological researches in 1971)*, 326—327 (in Russian).
- Shchepynskij, A. F., Cherepanova, O. M. 1974. In *Arkheolohiya (Archaeology)* 13, 62—64 (in Ukrainian).
- Alexandrescu, P. 1978. *Céramique attique à vernis noir. La céramique d'époque archaïque et classique (VIIe — IVe s.)*. Histria IV. București: Editura Academiei Republicii Socialiste România.
- Handberg, S., Petersen, J. H. 2010. Glossed Pottery, Black glossed pottery, West Slope pottery, Brown-glossed pottery, Wheelmade bowls with horizontal fluting. In: *The Lower City of Olbia (Sector NGS) in the 6th Century BC to the 4th Century AD*. Aarhus: Aarhus University Press, 185—261.
- Hannestad, L., Stolba, V. F., Blinkenberg Hustrup H. 2002. Black-Glazed, Red-Figure and Grey Ware Pottery. In: Hannestad L., Stolba V. F., Blinkenberg Hustrup H. (eds.). *Panskoye I. The Monumental Building U6*. Vol. 1. Aarhus: Aarhus University Press, 127—149.
- Kašae, S. V. 2002. Commonware. In: Hannestad L., Stolba V. F., Blinkenberg Hustrup H. (eds.). *Panskoye I. The Monumental Building U6*. Vol. 1. Aarhus: Aarhus University Press, 150—179.
- Rotroff, S. I. 1997. *Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material*. The Athenian Agora XXIX. Princeton: American School of Classical Studies at Athens.

Статья поступила в номер 23 декабря 2013 г.

Victoria Kotenko (Kiev, Ukraine). “Kyiv-Mohyla Academy” National University¹.

Victoria Kotenko (Kiev, Ucraina). Universitatea Națională „Academia Kievo-Movileană”.

Котенко Виктория Владимировна (Kiev, Украина). Национальный университет «Киево-Могилянская академия».

E-mail: Kotenko_viktoria@mail.ru

Address: ¹ Skovoroda St., 2, Kiev, 04655, Ukraine